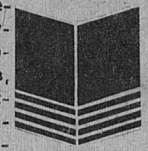


ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА



ОЩУЩЕНИЕ КРАСОТЫ ЖИЗНИ

На первый взгляд эта книга посвящена известной народной певице, возбудившей у целого поколения людей особое ощущение красоты родных напевов, величавости русского народного характера. Книга — о певице заповедного дара, соединяющего в себе черты старинного и современного русского музыкального стиля, утонченности и блеск камерного и эстрадного пения — с интонациями древних плакальщиц и сказительниц. Словом, книга — о Людмиле Зыкиной...*

Но что это? Вместе с фотографиями Зыкиной книгу наполняют многочисленные воспроизведения живописных полотен и плакатов, портретов русских певиц XIX века, крестьянок-бунтарок и купчих: вихри буйных малявинских платков и пышная застылость кустодиевских красавиц-богатырш, суровая аскетичность «великих несчастных старух» и молодая сила строительниц Советской России...

Да полно, только ли о певице Зыкиной эта книга?

А вот посмотрим. Из рассказов Зыкиной, собранных в главе «Сквозная тема», мы узнаем, как велико для нее было значение «учителей»: бабушки Василисы из рязанского песенного села, учившей внука «петь волнами», «петь-исповедоваться»; руководителей хоров имени Пятницкого и русской песни Всесоюзного радио (где пела Зыкина), прививших любовь к музыке русской речи и русского стиха, любовь к старинной живописи, старинной народ-

ной одежде; учителей ее позднего «университета» — музыкального училища имени Ипполитова-Иванова. Мы узнаем, как складывалась, созревала у певицы сквозная ее «женская тема»...

Автор монографии продолжает до бесконечности эту проблему «учителей», духовных предвосхитителей Людмилы Зыкиной...

Но прежде чем остановиться на творчестве любимых художников — Малявина, Кустодиева, Платова, Дейнеки (особенно близких Зыкиной своими народными и «женскими» темами), автор Александра Пистунова зовет нас в глубь истории, чтобы утвердиться в мысли: «живопись и песня идут все время рядом».

Вот Рокотов, Левицкий, Боровиковский, писавшие русских женщин XVIII века, подобных песеннице Марье Нарышкиной (это ей посвящает Державин известные строки «пой, Эвтерпа дорогая, прелестью своей плени...»). Далее — Венецианов с его изображениями жниц и сельских «мадонн» на пашне в ту эпоху, когда знаменитая примадонна крепостного придворного театра Елизавета Сандунова певала «Лучину» в концертах в пользу инвалидов Отечественной войны 1812 года... Затем — передвижники

70-х годов, историческая деятельность которых соприкасается с усилиями создателей мощных народных хоров (Агренева-Славянского, Ломакина). Наконец, прилив к фольклору в преддверии XX века...

«И, будто сопровождая крестьянским концертам Пятницкого, — пишет автор книги, — будто вторгаясь в живописные фантазии Кустодиева, будто повторяя легкие ритмы перестука чердынских ложечек, вступает в эпоху великая балалайка Василия Васильевича Андреева... И уже не балалайка — его знаменитый оркестр, тот, которым восхищаются Лев Толстой и Горький, и написавший для него прекраснейшую «Русскую фантазию» Глазунов. Шаляпин помогает Андрееву советами, Надежда Плевицкая поет с его аккомпанементом свою «Курскую биль»...».

Оказывается, Малявин пел красивым «бурлацким» басом. Пел часто своему учителю Репину. Да еще Шаляпину и Плевицкой, которых портретировал... А Платов (много позже, разумеется), слушая пластинку Зыкиной «Вот мчится тройка почтовая», говорил: «Вот уж поет... Чудо какое-то. Писать бы так, как она поет»...

И так далее и тому подобное — це-

лая энциклопедия сведений и наблюдений из жизни людей искусства, их творчества, их исканий.

Зачем же все-таки понадобились автору столь длинные исторические экскурсы и отступления в сферу смежных искусств? Не для того ли, чтобы, отвечая на вопрос «Откуда ты?», сказать: «Когда Зыкина поет о Волге, она вдруг становится как кустодиевская красавица?»

Нет. Не для этого. Цель иная — заразить читателя идеей исторической общности искусств; дать образец «свободного лета» ассоциаций возле явления искусства; распахнуть как можно шире «входы» восприятия искусства, чтобы каждый мог взглянуть на путь искусства «со звезды»...

Русская классическая художественная критика всегда была сильна идеей общности искусств, их исторических и социальных связей и взаимопроникновения. Достаточно вспомнить «синтезирующие» исследования Владимира Васильевича Стасова («Перов и Мусоргский», «25 лет русского искусства»).

Книга Александры Пистуновой о певице Зыкиной, носящая короткое выразительное название «Из сердца», принадлежит к числу таких смелых работ.

В сущности она категорически утвер-

ждает мысль о том, что невозможно понять пение Зыкиной, «не проецируя его на иные эпохи и виды искусства»!

Можно с этим спорить и даже не соглашаться. Но нельзя не отдать должное страстному субъективному побуждению автора — передать читателю свое восхищение талантом певицы, свое особое ощущение ее искусства. Ощущение воли и земной красоты, любви и веры в жизнь.

Хорошо, что Александра Пистунова находит таких союзников в своей любви к певице; как композиторы Родион Щедрин и Александр Пахмутов, Ваню Мунрадели и Марк Фрадкин, поэты Александр Твардовский и Виктор Боков, кинорежиссер Сергей Герасимов, рассказывающие много интересного на страницах книги...

Выдающийся музыковед, академик Борис Владимирович Асафьев писал, что вся ценность и смысл искусствоведческой работы определяется «энергией мысли», рожденной от данного импульса — явления искусства. «Но лишь пафос обожания и любви, — добавлял он, — помогает увидеть скрытое и услышать неслышное в суете житейской...».

Книга Александры Пистуновой не свободна от недостатков — некоторых длинот, повторов, натяжек, заданности.

Но в книге есть главное — энергия мысли и пафос обожания. Каждый, кто прикоснется к ней, ощутит это заразителное «горение и пламенение к искусству» (слова Б. Асафьева).

Т. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО.

* Александра Пистунова. «Из сердца». изд. «Молодая гвардия», 1975 г.